

УДК 008:168.522:316.7:34 (479.22) (091) (Цивилизация. Культура. Прогресс / Гуманитарные науки. Культурология / Социология культуры. Культурный контекст социальной жизни / История государства и права Грузии)

СЕМИОТИКА СУВЕРЕНИТЕТА: СВОД ЗАКОНОВ ВАХТАНГА VI КАК МЕТАТЕКСТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ РЕЗИСТЕНТНОСТИ

© 2026 Г.Э. Бахтадзе¹, З.Б. Чкония^{2,3}

*Бахтадзе Гия Эдуардович, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса*

E-mail: bagied@mail.ru

Чкония Зураб Бичикович,

²ассоциированный профессор факультета права и социальных наук,

³главный редактор

E-mail: z.chkonია@yahoo.com

¹Санкт-Петербургский юридический институт

Санкт-Петербург, Россия

²Восточноевропейский университет

³Международный научный журнал «Вестник права»

Тбилиси, Грузия

Статья поступила в редакцию 12.04.2026

Статья посвящена концептуальному осмыслению Свода законов Вахтанга VI (1703–1709) как уникального феномена «интеллектуального зодчества» и автономной семиотической системы. Авторы преодолевают описательные рамки традиционного правоведения, интерпретируя кодификацию как масштабный проект культурного моделирования, нацеленный на утверждение суверенитета Картлийского царства. Через сопряжение семиотики Ю.М. Лотмана с синергетической парадигмой И. Пригожина, И. Стенгерс и школы Е.Н. Князевой — С.П. Курдюмова памятник впервые квалифицируется как «диссипативная структура», возникшая в условиях экстремальной геополитической турбулентности раннего Модерна. В работе обосновывается тезис о Своде как о «правовом палимпсесте», где иерархическое напластование инокультурных кодов и автохтонных обычаев создало интеллектуальную дистанцию, непроницаемую для унифицирующего имперского диктата. Авторы раскрывают механизмы творческого заимствования многослойного инокультурного наследия, трансформированного волевым жестом законодателя в элементы «интеллектуальной цитадели». В центре исследования — модель нормативного многообразия, выступившая стратегией укрепления авторитета государственного центра. В ракурсе предложенной оптики Свод является строгим «нормативным квадривиумом», зафиксировавшим цивилизационную зрелость Картлийского царства задолго до появления аналогичных стандартов в Европе. Доказывается, что системная плотность текста превратила закон из утилитарного регулятора в живой щит идентичности, обеспечивший неразрывность национального бытия и сохранность его ценностных основ в условиях сверхдлительного исторического транзита.

Ключевые слова: семиотика культуры, нормативное сопротивление, правовой палимпсест, диссипативная структура, модель нормативного многообразия, интеллектуальная цитадель, творческое заимствование, ранний Модерн, национальная идентичность, смысловой каркас

DOI: 10.37313/2413-9645-2026-28-107-58-66

EDN: JWLPNW

Введение. В системе координат раннего Модерна Свод законов Вахтанга VI [см.: Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI; Законы Вахтанга VI] выступает не столько локальной систематизацией и кодификацией, сколько масштабным культурным жестом, нацеленным на утверждение суверенитета в эпоху его системного кризиса. На фоне агрессивной экспансии исламоцентричных империй создание Свода стало актом «интеллектуального картографирования» национального пространства — способом удержать его в границах христианской цивилизации. В этом ракурсе памятник воспринимается как сложноорганизованная семиотическая матрица, где творческое заимствование

инокультурных кодов — от византийского наследия до библейских смыслов — выступает не признаком ассимиляции, а инструментом глубокой адаптации, превращающим процесс кодификации в технологию формирования стойкой идентичности и волевою фиксацию цивилизационной субъектности Картлийского царства.

Формируя универсальную нормативную среду, созвучную интеллектуальным горизонтам Европы, Вахтанг VI, чья государственная деятельность и масштаб личности получили детальное освещение в историографии [см.: Пайчадзе Г.Г.; Кикодзе М.Г.], фактически выстраивал «семиотический щит», позволивший Картли (позже — и всей Грузии) сохранить смысловую целостность вопреки политической фрагментации и внешнему давлению.

История вопроса. Традиционная историография долгое время ограничивала Свод законов Вахтанга VI рамками узкофункционального анализа, фокусируясь на филологическом описании заимствований и анализе правовых институтов. Фундаментальные труды выдающихся учёных классической школы (И.А. Джавахишвили [ჯავახიშვილი ივ.]); И. Долидзе [დოლიძე ი.], Д.П. Пурцеладзе [Пурцеладзе Д.П.]; И. Сургуладзе [სურგულაძე ივ.] и работа исследователя «новой волны» М. Бичия [ბიჭიაძე მ., 2013], при всей их неоспоримой значимости, рассматривали памятник преимущественно как сумму правовых предписаний. В границах формально-догматического подхода акцент неизменно смещался на анализ сословных привилегий и поиск внешних источников норм, в то время как Свод как инструмент символической власти и проект культурного моделирования оставался на периферии исследовательского поля. Подобная фрагментация смыслов не позволяла увидеть в этом памятнике права целостную стратегию интеллектуального сопротивления, превращая живой политико-правовой манифест в объект музейной классификации. Даже исследования, обосновывающие приоритет грузинской правовой мысли в возникновении судебной баллистики [Бахтадзе Г.Э.], не меняют общей парадигмы, хотя и демонстрируют, что данное явление — не случайное совпадение, а органичный компонент «интеллектуальной цитадели» Вахтанга VI, призванной утвердить цивилизационное превосходство Картлийского царства задолго до того, как аналогичные стандарты стали нормой для Европы. Вместе с тем подобные изыскания, при всей их ценности для истории криминалистики, фиксируют лишь частные стороны систематизации и кодификации, не затрагивая их фундаментальную семиотическую природу. Акцент на прикладных аспектах оставляет за скобками главный вопрос: как Свод, будучи суммой разнородных, но адаптированных норм, функционировал как единая стратегия выживания культуры. Таким образом, потребность в переходе от прикладного комментирования к комплексной интерпретации Свода как проекта национального суверенитета, только затронутая в одной из работ этого года [Бахтадзе Г.Э.], становится очевидной. Однако современный культурологический дискурс требует смены фокуса с описания «правовых артефактов» на анализ смыслопорождающих механизмов *текста* рассматриваемого правового памятника.

В этом контексте методологическим импульсом для настоящего исследования послужили современные герменевтические подходы к анализу сложных текстовых структур как пространств активного семиозиса и диалога смыслов. Изучение культурных кодов в рамках семиотической традиции позволяет по-новому взглянуть на эклектичную архитектуру Свода законов Вахтанга VI. Опираясь на теоретический тезис о способности сложной текстовой системы структурировать социальный хаос и фиксировать ценностные доминанты через специфическую организацию символических рядов, мы рассматриваем творческое заимствование инокультурных правовых пластов не как механический импорт, а как акт осознанного культурного выбора. Этот герменевтический сдвиг находит фундаментальное теоретическое обоснование в положениях И. Пригожина и И. Стенгерс о возникновении порядка из хаоса в открытых неравновесных системах [Пригожин И., Стенгерс И.], а также в концепции Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова о синергетических принципах конструирования будущего [Князева Е.Н., Курдюмов С.П.]. В условиях экстремальной геополитической турбулентности данный Свод законов выступил «диссипативной структурой», которая через усложнение собственной организации поглощала энергию внешнего давления, превращая её в ресурс внутренней устойчивости. Сопряжение герменевтического анализа с синергетической парадигмой позволяет квалифицировать Свод как динамический метатекст и инструмент нормативного сопротивления: он не просто отражал реальность, а активно породил новый порядок, обеспечивая Картлийскому царству цивилизационную субъектность вопреки деструктивной энтропии эпохи.

Методы исследования. Материалом исследования выступает Свод законов Вахтанга VI, прочитываемый нами как многослойный палимпсест и целостный политико-правовой памятник, где внутренняя иерархия разнообразных законодательных пластов служит архитектурным каркасом национальной идентичности. Эмпирическую базу работы составляет корпус нормативных актов Свода, рассматриваемых в их системном единстве и исторической взаимосвязи.

Методологическая стратегия исследования реализуется через междисциплинарный синтез. Культурологический аспект работы заключается в интерпретации Свода как семиотического механизма, производящего смыслы и транслирующего ценностные доминанты общества. С опорой на историко-генетический метод и интеллектуальную генеалогию анализируется процесс конвертации исторической памяти в юридическую легитимность XVIII столетия. Применение компаративистского анализа позволило выявить специфику адаптации инокультурных категорий к локальному ландшафту, в то время как системно-структурный подход дал возможность рассматривать Свод как модель «горизонтального правового плюрализма».

Ключевым инструментом дешифровки памятника служит метод культурной трансплантологии, в рамках которого творческое заимствование внешних норм трактуется не как механический импорт, а как акт осознанного культурного выбора и стратегия «мягкой консолидации» общин вокруг государственного центра. Наконец, через авторский концепт «нормативного сопротивления» исследуется функциональная роль системной сложности Свода: мы доказываем, что многослойность текста функционировала как защитный барьер, делавший внутреннюю жизнь картлийского общества непроницаемой для унифицирующих имперских моделей административного типа.

Результаты исследования. Законодательный корпус, сформированный в Картлийском царстве в начале XVIII столетия, выступал не утилитарным инструментом регулирования общественных отношений и управления, а полноценным актом фундаментальной систематизации и кодификации в эпоху эрозии традиционных институтов власти. В условиях перманентной дестабилизации, вызванной сефевидской экспансией и османским давлением, Вахтанг VI и интеллектуальная элита Картли трансформировали экзистенциальные вызовы времени в созидательную стратегию. Её итогом стал Свод законов Вахтанга VI (1703–1709). Этот монументальный законодательный корпус стал результатом коллегиального труда «собрания учёных мужей» — репрезентативной комиссии, объединившей авторитетных представителей духовенства, высшей аристократии и профессиональных судей (мдиванбегов). Его исключительное значение для историко-правовой мысли и культурологии обусловлено системной интеграцией разнородных правовых массивов, позволяющей квалифицировать рассматриваемый памятник как правовой палимпсест. Здесь сквозь реформаторские наслоения XVIII в. отчетливо проступают реликтовые пласты христианской догматики и автохтонного обычая, образуя в своём наложении ту самую «интеллектуальную плотность», которая обеспечила культуре институциональную выживаемость.

В методологическом ракурсе Свод обнаруживает внутреннюю преемственность и логическую завершенность: он предстаёт не фрагментарной компиляцией, а строгим «нормативным квадравиумом» (от лат. *quadrivium* — перекрёсток четырёх дорог) — уникальной системой из четырёх правовых источников, образующих самодостаточное единство. Подобная архитектура, основанная на принципе органичной конвергенции, обеспечивала институциональную устойчивость государственного организма вопреки внешней деструкции. Речь идёт о механизме, при котором заимствованные нормы не просто переносились на местную почву, а органично адаптировались к социокультурным реалиям Картли. Это исключало риск их системного отторжения. В результате Свод конституировался как целостный и оригинальный организм, возведённый на четырёх нормативных столпах.

Во-первых, это библейское право (Законы Моисеевы). Выступая этическим фильтром, оно ограничивало деспотический произвол, подчиня властные прерогативы высшим догматическим императивам. Данный сегмент сформировал сакральный фундамент кодификации, утверждая Свод как воплощение универсальной справедливости. В условиях несломленного Картлийского царства, находившегося в то время в вассальной зависимости, апелляция к Ветхозаветному канону приобретала особую прагматику: выступая общим ценностным горизонтом для христианского большинства, библейский код одновременно служил живым коммуникативным мостом для глубоко укоренённых иудейских

общин. В эпоху, когда ведущие империи зачастую практиковали сегрегацию и правовое отчуждение иудейства, Грузия в лице Вахтанга VI предложила этим общинам модель правовой интеграции. Обращение к этому наследию позволяло включать иноверные группы в единое пространство государственности без эрозии их идентичности. Таким образом, библейский пласт стал одной из несущих конструкций «интеллектуальной цитадели», обеспечивая системе ту степень ценностного единства, которая превращала закон в инструмент коллективного сопротивления перед лицом энтропии.

Во-вторых, это византийская рецепция (Законы Греческие). Пройдя процесс критического переосмысления, массив имперского права был органично интегрирован в систему локальных сословных институтов. Внедрение рационального аппарата римской догматики позволило достичь административной стройности и — что принципиально важно — синхронизировать правовую мысль Картли с общеевропейским интеллектуальным контекстом. Данный концептуальный синтез трансформировал византийское наследие из пассивного исторического источника в инструмент осознанной модернизации, адаптирующий универсальные юридические категории к уникальному ландшафту грузинского феодализма.

В-третьих, это Законы Армянские, структурно состоящие из двух частей: армянской редакции (XII в.) сирийско-римского судебника, составленного в V веке при византийском императоре Василиске, и Судебника Мхитара Гоша. Интеграция данного пласта в структуру Свода легитимировала модель «горизонтального правового плюрализма», предоставляя армянскому этническому сообществу право на нормативную автономию внутри единого государственного пространства. Такая стратегия не только стабилизировала межнациональный баланс, минимизировав конфликтный потенциал межконфессиональных отношений, но и сформировала предсказуемую правовую среду для городского населения и торгово-ремесленных корпораций как функциональных сословных единиц. В этом аспекте включение армянского уклада в общекартлийскую юрисдикцию работало «от противного»: оно выступало не как катализатором фрагментации, а парадоксальным инструментом консолидации подданных вокруг единого законодательного центра.

Историческим фундаментом этой системной интеграции служила политическая мощь Грузинского царства эпохи «Золотого века» — периода наивысшего могущества державы, заложенного реформами Георгия III (1156–1184) и упроченного в годы единоличного правления царицы Тамары (1184–1213). Именно под её верховной юрисдикцией и в условиях государственной стабильности стало возможным создание Судебника (основной процесс его написания пришёлся на 1184–1188 гг.) в монастыре Нор-Гетике (ныне — Гошаванк). Деятельность подданного грузинской короны Мхитара Гоша протекала в рамках административной системы Грузии и при прямом покровительстве князей Мхаргрдзели (Закарян) — ключевых фигур в государственном аппарате и военной элите царства. В этом контексте Грузия стала не только политическим убежищем для армянского этноса, утратившего государственность в 1045 г. после падения Ани, но и эффективным имперским центром, который прагматично поддерживал внутреннюю кодификацию общин. Позволяя армянскому населению сохранять идентичность через собственные церковные каноны и традиции, грузинская корона трансформировала локальное самоуправление в инструмент государственного строительства, где сильное правовое поле на окраинах лишь укрепляло монолитность и устойчивость всей страны.

В-четвёртых, это аутентичный правовой массив, объединивший «Уложение» Георгия V Блистательного (1314–1346), «Судебник» Беки и Агбуги (XIV–XV вв.) и «Законы католикосов» (XVI в.), а также оригинальные новеллы самого Вахтанга VI. Данный пласт фиксировал институциональную преемственность национальной правовой традиции, успешно интегрируя архаичные нормы обычного права в функциональную архитектуру государственного управления XVIII столетия. Именно здесь происходил органичный синтез исторического наследия и суверенной воли правителя, превращавший Свод из разрозненной компиляции заимствований в подлинный продукт глубокой творческой адаптации, ставший фундаментальным манифестом грузинской правовой идентичности. В конечном счёте национальный компонент выступил смысловым ядром кодификации, обеспечив субъектность и правовую самобытность Картлийского царства в пространстве масштабных геополитических вызовов.

Парадоксально, но инкорпорация инокультурных правовых пластов в национальное поле не привела к эрозии суверенитета. Напротив, она сформировала устойчивую нормативную среду, укрепившую институциональную и экономическую стабильность государства во взаимодействии с внешним миром. В противовес фрагментарным актам предшествующих эпох, Свод законов Вахтанга VI

претендовал на роль универсального регулятора, перерастая границы классической партикулярной кодификации. В условиях системной дестабилизации регионального порядка этот корпус законодательных текстов продемонстрировал политико-юридическую зрелость Картли: через легитимацию автохтонных институтов и их встраивание в жёсткую нормативную матрицу, царство декларировало свою государственную жизнеспособность и цивилизационную состоятельность. В рамках этой логики формирование Свода предстаёт не столько технической систематизацией и кодификацией, сколько опытом конструирования суверенной правовой модели. В условиях тотальной экспансии имперских культур (сефевидской и османской) Вахтанг VI инициировал создание системы, обладающей высоким потенциалом нормативного сопротивления. Это обеспечило национальному праву устойчивость к ассимиляции, сохранив аутентичную логику судопроизводства вопреки глубокому заимствованию внешних норм. Свод послужил инструментом концептуальной демаркации национального пространства: системная сложность текста утверждала институциональную зрелость Картли, делая её структуру непроницаемой для упрощённых схем внешнего административного диктата. В конечном счёте кодификация стала попыткой удержать политическую субъектность страны в точке пересечения традиционного исламского Востока и интеллектуальных горизонтов европейского раннего Модерна.

Системная трансформация грузинского права начала XVIII столетия неразрывно связана с концепцией «просвещённого правителя», воплощённой в личности Вахтанга VI. Его деятельность отражает парадигму раннего Просвещения, в которой легитимное государственное строительство утверждалось через формирование интеллектуальной автономии. В рамках этой стратегии политическая субъектность Картлийского царства выступала прямой производной от его интеллектуальной независимости, выраженной через создание оригинального системного законодательства. В данном контексте формирование Свода — это фундаментальный опыт суверенного познания и систематизации собственного социокультурного космоса, где кодификация выступала эффективным инструментом выражения внутренней упорядоченности и цивилизационной зрелости государства перед лицом экспансионистских внешних вызовов.

Структурирование этого социокультурного космоса осуществлялось через жёсткое закрепление словных иерархий и детальную регламентацию прав и обязанностей каждой социальной страты. В рамках Свода правовая норма выступала не внешним ограничением, а цементирующим элементом, превращающим разрозненное общество в целостную систему. Установление чётких эквивалентов «цены крови», механизмов защиты чести и имущественных гарантий позволило гармонизировать внутренние противоречия, переводя их из плоскости стихийного насилия в поле правового диалога. Таким образом, систематизация и кодификация Вахтанга VI не только отражали существовавший порядок, но и активно конструировали его, на столетия вперёд задавая ценностные координаты бытия Картли (позже — и всей Грузии) и населявших её общин.

Создание Свода законов и учреждение первой национальной типографии, описанной в историографической литературе и обеспечившей выход в свет не только духовных текстов, но и первого печатного издания «Витязя в тигровой шкуре» (1712) [Бакрадзе Д.З., с. 4–8], стали звеньями единого суверенного проекта. Этот симбиоз законодательной воли и печатного слова консолидировал культурно-политическую общность вопреки внешнему имперскому давлению и процессам внутренней дезинтеграции. В итоге через сопряжение правового логоса и национального эпоса Вахтанг VI зафиксировал границы грузинской идентичности, сделав её независимой от внешних доминирующих идеологических систем того времени.

Инструментальным воплощением этой стратегии стало глубокое терминологическое обновление. Адаптация инокультурных юридических конструктов при составлении Свода законов Вахтанга VI не являлась механическим переносом; напротив, она инициировала процесс смыслового сближения, в ходе которого универсальные внешние концепты осваивались национальным языком. Это позволило вывести юриспруденцию из замкнутого поля элитарной книжности, превратив её в доступный инструмент государственного управления. Формирование развитой юридической терминологии стало актом интеллектуального сопротивления: создание национального правового каркаса обеспечило преемственность институтов даже в периоды утраты политической субъектности.

Данный феномен отражает ключевую стратегию Вахтанга VI: трансформацию физического суверенитета в суверенитет текстовый. Понимая неизбежность временной оккупации территорий, правитель перенёс основы государственности из уязвимой территориально-географической плоскости в устойчивое текстовое измерение. Свод законов стал смысловым каркасом национальной правовой системы — нормативно-смысловым полем, которое невозможно ликвидировать методами военно-политического принуждения. Пока в сознании общества и в судебной практике сохранялась целостность этого законодательного корпуса, Грузия продолжала существовать как субъект права, даже временно утратив территориальный суверенитет. Иными словами, в условиях, когда физические границы государства становились проницаемыми для внешних сил, текст закона выступал в роли единственного и незыблемого гаранта социального порядка, сохраняя цивилизационную субъектность народа вопреки геополитической дестабилизации.

В контексте семиотики культуры [см.: Лотман Ю.М.; Лотман Ю.М., Успенский Б.А.] этот процесс означал трансформацию Свода во вторичную моделирующую систему, которая, надстраиваясь над естественным языком (первичной системой), активно конструировала нормативную модель социума по определённой ценностной шкале. В условиях геополитической турбулентности кодификация выступила инструментом метаописания культуры: она перевела аморфное состояние обычаев в жёсткую структуру законодательных текстов, задав этическую и правовую «сетку координат», через которую социум стал воспринимать самого себя. Подобная «грамматика права» сформировала необходимую автомодель политической общности — идеализированный самопортрет государства, позволяющий культуре сохранять внутреннюю структуру в моменты внешней дестабилизации. Это превратило право из набора прецедентов в нормативный код, сделав Свод механизмом автокоммуникации — процессом внутренней самонастройки социума через обращение к собственным ценностным константам. Фиксируя правовые нормы, государство не только регламентировало быт, но и выражало идеальную модель самого себя, обеспечивая структурную целостность вопреки политической фрагментации. Иными словами, этот процесс позволил провести чёткую семантическую границу между внутренним упорядоченным пространством Картлийского царства и хаотичным давлением имперской экспансии.

Таким образом, жизнеспособность грузинской правовой системы XVIII в. подтверждалась в уникальных условиях «уязвимого суверенитета». В эпоху, когда политическая карта Кавказа перекраивалась внешними империями, Свод законов Вахтанга VI функционировал как автономный регулятор, сохраняя внутреннюю связность общества даже в периоды формального подчинения.

Эта системная гибкость позволила грузинскому праву превратиться из простого набора норм в смысловой каркас национальной идентичности, в инструмент культурного сопротивления, синтезировавший христианскую этику, византийское наследие и локальные традиции в монолитную систему, способную противостоять внешней геополитической турбулентности.

Исключительность этой системы подтверждается и её судьбой после присоединения Грузии к России. Российская администрация признавала авторитет Свода [см.: Указ императора Александра I от 12.09.1801 № 20.007]: на протяжении почти шестидесяти лет суды на Кавказе руководствовались нормами Вахтанга VI [ჯუბოზ ზ. (Чкония З.), с. 89]. Таким образом, грузинская правовая мысль оказалась сильнее политической конъюнктуры, обеспечив преемственность национального уклада и привычного быта общин в транзитный период истории.

Выводы. В качестве итога подчеркнём, что Свод законов Вахтанга VI следует квалифицировать не как статичный юридический источник, а как беспрецедентный акт культурного зодчества, сформировавший смысловой фундамент национального выживания. В эпоху, когда политическая субъектность Картлийского царства планомерно размывалась экспансией восточных деспотий, Свод взял на себя миссию «интеллектуальной цитадели», ознаменовав волевой переход от инерционной трансляции традиций к конструированию суверенной нормативной реальности.

Эта реальность функционировала как механизм системной устойчивости: намеренная сложность и многослойность текста создали разветвлённую правовую структуру, ставшую барьером для упрощённых схем внешнего имперского диктата. В этом контексте интеграция богатого инокультурного опыта в национальное поле не была признаком исторической капитуляции. Напротив, задействовав механизмы творческого заимствования, грузинская культура трансформировала внешние правовые коды в инструменты собственной защиты. Свод реализовал уникальную модель нормативного

многообразия, где сохранение автономии различных общин не размывало, а укрепляло авторитет центральной власти.

Синтезируя автохтонные институты с универсальными категориями христианской ойкумены, Свод Вахтанга VI утверждал сопричастность Грузии интеллектуальным горизонтам раннего Модерна. Он доказал, что подлинный суверенитет удерживается не только силой оружия, но и способностью нации порождать системно организованные смыслы. Став метатекстом идентичности, Свод обеспечил непрерывность государственности сквозь геополитические потрясения: его способность удерживать семантические границы культуры даже после утраты политических институтов превратила закон из буквы в живой щит общества, сохранивший его ценностные основы в условиях сверхдлительного исторического транзита.

Источники:

1. Законы Вахтанга VI / Пер., введ., примеч., глос. и указ. Д. Л. Пурцеладзе; [Ред. Г. Г. Жордания, Я. В. Путькарадзе]. – Тбилиси: Мецниереба, 1980. – 335 с.
2. Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI / Изд. А. С. Френкеля; под ред. Д. З. Бакрадзе. – Тифлис: Тип. И. Мартиросянца и «Кавказского обозрения» (Н. И. Френкель), 1887. – 423 с.
3. Указ императора Александра I от 12.09.1801 № 20.007 «Об учреждении внутреннего в Грузии управления» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. – Т. XXVI (1800–1801). – СПб.: Печатано в Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 781–786.
4. სამართალი ვახტანგ მეექვსისა / ტექსტი დაადგინა, გამოკვლევა და საძიებლები დაურთო ი. დოლიძემ. – თბილისი: გამომცემლობა «საბჭოთა საქართველო», 1981. – 334 გვ.
5. ქართული სამართლის ძეგლები. – ტ. 1: ვახტანგ VI-ის სამართლის წიგნთა კრებული / ტექსტები გამოსცა, გამოკვლევა და ლექსიკონი დაურთო ი. დოლიძემ. – თბილისი: საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა, 1963. – 772 გვ.

Литература:

1. Бакрадзе, Д. З. Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре: (С атл.) / [Соч.] Дм. Бакрадзе. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1878. – XX, 370 с.
2. Бахтадзе, Г. Э. Решение судебно-баллистологических задач в Законах Вахтанга VI // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 3 (79). – С. 127–130.
3. Бахтадзе, Г. Э. Свод законов Вахтанга VI как акт интеллектуального суверенитета // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: матер. XXII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Тольятти, 16–17 апреля 2026 г.): в 2-х т. – Т. 1: Актуальные проблемы юридической науки. Гуманитарные и социальные науки, образование. – Тольятти: Волж. ун-т им. В. Н. Татищева, 2026. – С. 8–12.
4. Бахтадзе, Г. Э. Спорные страницы приоритета постановки и решения судебно-баллистологических задач в контексте законодательного опыта Грузии 1703–1709 годов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2013. – № 2 (24). – С. 239–243.
5. Кикодзе, М. Г. Государственная деятельность Вахтанга VI. – Тбилиси: Мецниереба, 1988. – 204 с.
6. Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. Основания синергетики. Синергетическое мышление. – Москва: КомКнига, 2005. – 238 с.
7. Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и своё будущее. – Изд. 2-е., стереотип. – Москва: КомКнига, 2007. – 231 с.
8. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
9. Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Избранные статьи: в 3 т. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 76–89.
10. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. – Т. XII. – Тарту, 1981. – С. 3–7. – (Учён. зап. Тарт. гос. ун-та; вып. 515).
11. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. – Москва: Искусство, 1970. – 384 с. – (Семиотические исследования по теории искусства).
12. Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. – Т. V. – Тарту, 1971. – С. 144–166. – (Учён. зап. Тарт. гос. ун-та; вып. 284).
13. Пайчадзе, Г. Г. Вахтанг VI. – Тбилиси: Мецниереба, 1981. – 180 с.
14. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / под общ. ред. и с послесл. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. – Изд. 6-е. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 294 с.

15. Пурцеладзе, Д. П. Краткое систематическое изложение уголовного законодательства Вахтанга VI, царя грузинского, с показанием достоинства и недостатков его. – Тифлис: тип. Гл. упр. наместника кавк., 1866. – 23 с.
16. ბიჭია, მ. ვახტანგ VI-ის სამართლის წიგნი. – თბილისი: იურისტების სამყარო, 2013. – 262 გვ.
17. სურგულაძე, ივ. ქართული სამართლის ისტორიის წყაროები. – თბილისი: გამომცემლობა «საბჭოთა საქართველო», 1984. – გვ. 104–131.
18. ჭყონია, ზ. სამოქალაქო სამართალწარმოება და აღსრულება საქართველოში XIX საუკუნესა და XX საუკუნის დასაწყისში // მართლმსაჯულება და კანონი. – 2010. – № 4 (27). – გვ. 88–99.
19. ჯავახიშვილი, ივ. ქართული სამართლის ისტორია. – წიგნი პირველი. – ტფილისი: ტფილისის უნივერსიტეტის გამომცემა, 1928. – გვ. 116–124.

THE SEMIOTICS OF SOVEREIGNTY: THE CODE OF LAWS OF VAKHTANG VI AS A METATEXT OF NATIONAL IDENTITY AND AN INSTRUMENT OF CULTURAL RESISTANCE

© 2026 G.E. Bakhtadze¹, Z.B. Chkonia^{2,3}

Giya E. Bakhtadze, Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure

E-mail: bagied@mail.ru

Zurab B. Chkonia

²Associate Professor at the Faculty of Law and Social Sciences,

³Editor-in-Chief

E-mail: z.chkonia@yahoo.com

¹St. Petersburg Institute of Law

St. Petersburg, Russia

²East European University

³International Scientific Journal "Herald of Law"

Tbilisi, Georgia

The article is devoted to the conceptual understanding of the Code of Laws of Vakhtang VI (1703–1709) as a unique phenomenon of "intellectual architecture" and an autonomous semiotic system. The authors transcend the descriptive framework of traditional jurisprudence, interpreting the codification as a large-scale project of cultural modeling aimed at asserting the sovereignty of the Kingdom of Kartli. By converging the semiotics of J.M. Lotman with the synergetic paradigm of I. Prigogine, I. Stengers, and the school of E.N. Knyazeva — S.P. Kurdyumov, the monument is for the first time qualified as a "dissipative structure" that emerged under the conditions of extreme geopolitical turbulence of the early Modern era. The paper substantiates the thesis of the Code as a "legal palimpsest," where the hierarchical layering of foreign cultural codes and autochthonous customs created an intellectual distance impenetrable to unifying imperial dictates. The authors reveal the mechanisms of "creative borrowing" of multilayered foreign cultural heritage, transformed by the legislative will into elements of an "intellectual citadel." Centrally featured is the model of normative diversity, which served as a strategy for strengthening the authority of the state center. Through the prism of the proposed optics, the Code stands as a rigorous "normative quadrivium" that fixed the civilizational maturity of the Kingdom of Kartli long before the emergence of similar standards in Europe. It is proved that the systemic density of the text transformed the law from a utilitarian regulator into a living shield of identity, ensuring the continuity of national existence and the preservation of its value foundations amidst an ultra-long historical transit.

Keywords: semiotics of culture, normative resistance, legal palimpsest, dissipative structure, model of normative diversity, intellectual citadel, creative borrowing, early Modern era, national identity, value foundations

DOI: 10.37313/2413-9645-2026-28-107-58-66

EDN: JWLPNW

Sources:

1. Zakony Vakhtanga VI (The Code of Vakhtang VI) / Per., vved., primech., glos. i ukaz. D. L. Putseladze; [Red. G. G. Zhordaniya, Ya. V. Putkaradze]. – Tbilisi: Metsniereba, 1980. – 335 s. (In Russian)
2. Sbornik zakonov gruzinskogo tsarya Vakhtanga VI (The collection of laws of the Georgian king Vakhtang VI) / Izd. A. S. Frenkelya; pod red. D. Z. Bakradze. – Tiflis: Tip. I. Martirosyantsa i «Kavkazskogo obozreniya» (N. I. Frenkel'), 1887. – 423 s. (In Russian)
3. Ukaz imperatora Aleksandra I ot 12.09.1801 № 20.007 «Ob uchrezhdenii vnutrennego v Gruzii upravleniya» (Decree of Emperor Alexander I of 12.09.1801 No. 20,007 "On the establishment of internal government in Georgia") // Polnoe sobranie

zakonov Rossiiskoi Imperii, s 1649 goda. – T. XXVI (1800–1801). – SPb.: Pechatano v Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – S. 781–786. (In Russian)

4. The law of Vakhtang VI / Text established, research and indices provided by I. Dolidze. – Tbilisi: Sabchota Sakartvelo Publishing House, 1981. – 334 p. (In Georgian)
5. Monuments of Georgian law. – Vol. 1: The collection of law books of Vakhtang VI / Texts published, research and dictionary provided by I. Dolidze. – Tbilisi: Georgian SSR Academy of Sciences Publishing House, 1963. – 772 p. (In Georgian)

References:

1. Bakradze, D. Z. Arkheologicheskoe puteshestvie po Gurii i Adchare (An archaeological journey through Guria and Adjara): (S atl.) / [Soch.] Dm. Bakradze. – Sankt-Peterburg: tip. Imp. Akad. nauk, 1878. – XX, 370 s. (In Russian)
2. Bakhtadze, G. E. Reshenie sudebno-ballistologicheskikh zadach v Zakonakh Vakhtanga VI (Solving forensic ballistic problems in the laws of Vakhtang VI) // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava. – 2011. – № 3 (79). – S. 127–130. (In Russian)
3. Bakhtadze, G. E. Svod zakonov Vakhtanga VI kak akt intellektual'nogo suvereniteta (The Code of Vakhtang VI as an act of intellectual sovereignty) // Tatishchevskie chteniya: aktualnye problemy nauki i praktiki: mater. XXII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Tolyatti, 16–17 aprelya 2026 g.): v 2-kh t. – T. 1: Aktualnye problemy yuridicheskoy nauki. Gumanitarnye i sotsialnye nauki, obrazovanie. – Tolyatti: Volzh. un-t im. V. N. Tatishcheva, 2026. – S. 8–12. (In Russian)
4. Bakhtadze, G. E. Spornye stranitsy prioriteta postanovki i resheniya sudebno-ballistologicheskikh zadach v kontekste zakonodatel'nogo opyta Gruzii 1703–1709 godov [Disputed priority in the formulation and resolution of forensic ballistic problems within the context of Georgian legislative practice (1703–1709)] // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 2 (24). – S. 239–243. (In Russian)
5. Kikodze, M. G. Gosudarstvennaya deyatel'nost' Vakhtanga VI (The state activities of Vakhtang VI). – Tbilisi: Metsniereba, 1988. – 204 s. (In Russian)
6. Knyazeva, E. N., Kurdyumov, S. P. Osnovaniya sinergetiki. Sinergeticheskoe myshlenie (Foundations of synergetics. Synergetic thinking). – Moskva: KomKniga, 2005. – 238 s. (In Russian)
7. Knyazeva, E. N., Kurdyumov, S. P. Osnovaniya sinergetiki. Chelovek, konstruiruyushchii sebya i svoje budushchee (Foundations of synergetics. A human constructing themselves and their future). – Izd. 2-e., stereotip. – Moskva: KomKniga, 2007. – 231 s. (In Russian)
8. Lotman, Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov: chelovek – tekst – semiosfera – istoriya (Inside the thinking worlds: human – text – semiosphere – history). – Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. – 447 s. (In Russian)
9. Lotman, Yu. M. O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury (On two models of communication in the system of culture) // Izbrannye stat'i: v 3 t. – T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. – Tallinn: Aleksandra, 1992. – S. 76–89. (In Russian)
10. Lotman, Yu. M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta (The semiotics of culture and the concept of a text) // Trudy po znakovym sistemam. – T. XII. – Tartu, 1981. – S. 3–7. – (Uchen. zap. Tart. gos. un-ta; vyp. 515). (In Russian)
11. Lotman, Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta (The structure of the artistic text). – Moskva: Iskusstvo, 1970. – 384 s. – (Semioticheskie issledovaniya po teorii iskusstva). (In Russian)
12. Lotman, Yu. M., Uspenskii, B. A. O semioticheskom mekhanizme kul'tury (On the semiotic mechanism of culture) // Trudy po znakovym sistemam. – T. V. – Tartu, 1971. – S. 144–166. – (Uchen. zap. Tart. gos. un-ta; vyp. 284). (In Russian)
13. Paichadze, G. G. Vakhtang VI (Vakhtang VI). – Tbilisi: Metsniereba, 1981. – 180 s. (In Russian)
14. Prigozhin, I., Stengers, I. Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoy (Order out of chaos: Man's new dialogue with nature): per. s angl. / pod obshch. red. i s poslesl. V. I. Arshinova, Yu. L. Klimontovicha, Yu. V. Sachkova. – Izd. 6-e. – Moskva: Izd-vo LKI, 2008. – 294 s. (In Russian)
15. Purtseladze, D. P. Kratkoe sistematicheskoe izlozhenie ugolovnogo zakonodatel'stva Vakhtanga VI, tsarya gruzinskogo, s pokazaniem dostoinstva i nedostatkov ego (A brief systematic exposition of the criminal legislation of Vakhtang VI, King of Georgia, with an indication of its merits and defects). – Tiflis: tip. Gl. upr. namestnika kavk., 1866. – 23 s. (In Russian)
16. Bichia, M. The law book of Vakhtang VI. – Tbilisi: Lawyers' World, 2013. – 262 p. (In Georgian)
17. Surguladze, Iv. Sources of the history of Georgian law. – Tbilisi: Sabchota Sakartvelo Publishing House, 1984. – Pp. 104–131. (In Georgian)
18. Chkonia, Z. Civil litigation and enforcement in Georgia in the 19th and early 20th centuries // Justice and Law. – 2010. – No. 4 (27). – Pp. 88–99. (In Georgian)
19. Javakhishvili, Iv. History of Georgian law. – Book one. – Tiflis: Tiflis University Press, 1928. – Pp. 116–124. (In Georgian)